

Трансформация исторического времени: процессуальные и событийные темпоральности

Золтан Болдижар Симон

Доцент, факультет гуманитарных наук, Институт истории, Лейденский университет; научный сотрудник, кафедра истории, факультет истории, философии и теологии, Билефельдский университет.
Адрес: Postfach 10 01 31, 33501 Bielefeld, Germany.
E-mail: zoltanbsimon@uni-bielefeld.de.

Ключевые слова: историческое время; событийная темпоральность; презентизм; катастрофизм; трансгуманизм; постгуманизм; антропоцен; философия истории.

Автор статьи ставит перед собой две взаимосвязанные задачи: оправдать философию истории как интеллектуальное предприятие эпохи модерна, призванное находить положительный смысл в переменах, которые происходили с человечеством в его движении из прошлого навстречу будущему, чья состоятельность была подорвана катастрофами XX века, и предложить новую концепцию исторической темпоральности взамен той, «процессуальной», что была в прошлом веке дискредитирована. Автор заявляет, что сегодня мы переживаем период, аналогичный «седловому времени», описанному в работах Райнхарта Козеллека (применительно к 1750–1850 годам). Различие между тем периодом и нынешним состоит в том, что на смену установившейся тогда «процессуальной» темпоральности приходит так называемая событийная темпоральность, объяснить устройство которой и призвана статья.

В структуре событийной темпоральности ключевую роль играет

будущее время. Здесь оно уже не означает перспективу, в направлении которой осуществляются исторические перемены, но выступает синонимом перемен как таковых, настолько радикальных, что на кон ставится дальнейшее существование человечества в прежних экологических, биологических и физиологических границах. Автор иллюстрирует эти перемены примерами из биоинженерии, искусственного интеллекта, антропогенных климатических изменений и т. п. Ожидания этих перемен могут питать чьи-то самые смелые надежды и фантазии, равно как и внушать самые мрачные страхи и опасения, быть одновременно утопичными и дистопичными. Но в любом случае сами эти перемены, по мысли автора, никак не детерминированы предшествующим ходом истории. Будущее, на которое они указывают, подрывает непрерывность человеческого опыта, поскольку совершенно не зависит от прошлого.

Вопрос об историческом времени сегодня

ФИЛОСОФИЯ истории мертва — так нам говорят. В начале послевоенного периода она умирала много раз на руках философов и историков. В определенном смысле едва ли стоит удивляться, что провозглашение конца, смерти, неосуществимости, отсутствия легитимности, невозможности и даже рискованности всего предприятия философии истории стало буквально одним из интеллектуальных приоритетов эпохи. После ужасов первой половины прошлого века казалось, что честнее и разумнее будет смотреть хотя бы с долей скепсиса на идею исторического процесса, ведущего к лучшему будущему.

Конечно, нельзя сказать, что до этого философия истории правила бал в интеллектуальной жизни, не подвергаясь критике. С момента своего изобретения во времена позднего Просвещения практика философствования о ходе человеческих дел обрела немало противников — от Фридриха Ницше до историков XIX века, которые стремились институционализировать свою дисциплину и профессионально отгородиться от философов и их подходов к истории. Тем не менее послевоенная критика предприятия философии истории стала не просто очередной серией острых нападок. Она ознаменовала впечатляющие перемены. Если в XIX веке против общепринятого стандарта философствования по поводу истории возвышались лишь отдельные голоса, то в послевоенные годы ситуация изменилась: критика этого стандарта сама стала новым стандартом.

Так что же представляет собой предприятие, чью смерть с готовностью провозгласили интеллектуалы послевоенного периода? И почему я говорю об истории как об изобретении эпохи модерна? Специалисты по интеллектуальной истории могут сказать,

Перевод с английского Александры Запольской по изданию: © Simon Z. B. The Transformation of Historical Time. Processual and Evental temporalities // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / M. Tamm, L. Olivier (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019. P. 71–84. Публикуется с любезного разрешения автора и издательства.

что во времена классической античности и в Средневековье уже существовало нечто вроде философии истории, не говоря уже о китайской философии истории или работах Ибн Хальдуна. Однако послевоенная критика метила не в христианскую эсхатологию, не в Ибн Хальдуна, не в Орозия и не в какое-либо понятие «истории». Ее мишенью было свойственное модерну представление об историческом процессе, в ходе которого человек и общество становятся лучше, а также новая интеллектуальная практика, ответственная за разработку этого представления, — философия истории.

Представление о (философии) истории как о современном феномене согласуется с теорией Райнхарта Козеллека о рождении темпорализованного понятия истории в период между 1750 и 1850 годами¹, но противоречит тезису Карла Лёвита о секуляризации². Лёвит утверждает, что философия истории — не что иное, как секуляризованная эсхатология (по сути, более новая версия чего-то старого). Но, рассуждая так, он недостаточно подчеркивает значимость современного понятия истории. Дело в том, что, даже если ориентация на будущее или ожидаемое достижение конечной цели развития человеческих отношений и является общим паттерном современной философии истории и эсхатологии, последняя не говорит ничего о *ходе* человеческих дел. В эсхатологии нет представления о процессе, который вел бы к достижению конечной цели. В ней перемены наступают со Страшным судом и предполагают переход в мир иной. В противовес этой идее философия истории разработала процессуальное понятие «история». Ее великое изобретение состоит в том, что она концептуализировала возможность перемен *внутри* земного мира как *ход* развития человеческих дел.

В этой работе я утверждаю, что, вопреки всем слухам, предпринятие философии истории сегодня не только вполне живо, но и совершенно необходимо. Разумеется, это не означает, что можно полностью отбросить критику послевоенного времени. Вопрос не в том, как вернуться к дискредитированной философии истории с ее процессуальной концепцией истории, надевающей ход развития человеческих отношений такими чертами, как направленность, телеология, внутренний смысл и содержа-

1. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / K. Tribe (trans.). N.Y.: Columbia University Press, 2004.

2. Löwith K. Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1949.

ние. Вопрос в том, можно ли концептуализировать саму возможность перемен, наступающих в человеческих отношениях с течением времени, как «историю», не отсылая при этом к вышеупомянутым чертам. Это непростой вопрос. По сути, он состоит из двух отдельных, но тесно связанных друг с другом вопросов. Во-первых, можно ли представить историческое время в иных терминах, нежели процесс и развитие? Во-вторых, может ли такая, отличная от процессуальной, темпоральность все еще быть «исторической» (то есть сохранит ли она в себе идею возможности перемен, наступающих в человеческих отношениях с течением времени)?

Задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы ответить утвердительно на оба вопроса. Рассмотрим современные концепции, альтернативные процессуальной темпоральности современного понятия истории. Они могут дать ответы на первый вопрос только за счет того, что оставят без ответа второй. Теоретизирование о том, как прошлое выживает, преследует настоящее и «присутствует» в нем³, безусловно, продвигает новаторские способы мыслить отношения между прошлым и настоящим. В этом смысле такие теории предлагают темпоральности, альтернативные современной идее исторического процесса. И все же поскольку они выкидывают из уравнения вопрос о будущем, поскольку они фокусируются только на отношении к прошлому, которое либо пронизывает настоящее, либо внезапно прорывается в него, постольку эти темпоральности не могут быть концептуальными альтернативами современному историческому времени как общей конфигурации отношений прошлого, настоящего и будущего.

Презентизм как диагноз культуры, по-видимому, имеет достаточно широкие возможности для работы с проблемой исторического времени. Франсуа Арто, Алейда Ассман и Ханс-Ульрих Гумбрехт пытаются понять новую диспозицию прошлого, настоящего и будущего в западных обществах, возникающую в последние десятилетия и заменяющую современный режим вре-

3. См., напр.: *Bevernage B. History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*. L.; N.Y.: Routledge, 2012; *Lorenz C. Unstuck in Time, or The Sudden Presence of the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / K. Tilman et al. (eds). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 67–102; *Kleinberg E. Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*. Stanford: Stanford University Press, 2017; *Runia E. Presence // History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 1–29; *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory* / M. Tamm (ed.). Basingstoke: Palgrave, 2015.

мени⁴. Как назвать этот новый режим? Гумбрехт неоднократно упоминает пока безымянный хронотоп, к которому он тем не менее отсылает как к «широкому настоящему». То, что Гумбрехт под этим подразумевает, очень близко к артоговскому господству презентизма и к презентистскому «режиму историчности», который уже заменил ориентированный на будущее режим модерна. Это также перекликается с идеей Ассман о вывихнутом времени.

Оставим названия и словари описания в стороне — важно, что эти диагнозы сходятся относительно базового понимания новой ситуации. Более того, они согласуются и с «теориями присутствующего прошлого»: все они картографируют нынешние отношения общества к прошлому, исследуя, как прошлое пропитывает собой настоящее и не уходит из него. Однако для данных диагнозов культуры это лишь одна сторона медали. Другая сторона — отношение к будущему. Согласно Артогу, переход от режима, ориентированного на будущее, к презентистскому режиму, где единственная точка обзора находится в настоящем, не заставил будущее исчезнуть, а лишь придал ему «непроницаемый и пугающий» вид. Теперь будущее рассматривается в терминах рисков, предосторожности и ответственности, а прошлое видится «через понятия наследия и долга». По мнению Артога, это означает, что настоящее «расширилось как в будущее, так и в прошлое»⁵. Гумбрехт разделяет эти настроения, утверждая, что

...сегодня мы все больше чувствуем, что наше настоящее расширилось и окружено будущим, невидимым, недоступным и неподвластным нашему выбору, и прошлым, которое мы не в состоянии оставить позади⁶.

Наконец, в интерпретации Ассман расширение настоящего и есть новая концепция будущего, основанная на идее устойчивого развития — пролонгированного существования известного и освоенного ранее⁷.

4. См.: *Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne.* Munich: Hanser, 2013; *Gumbrecht H. U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture.* N.Y.: Columbia University Press, 2014; *Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time / S. Brown (trans.).* N.Y.: Columbia University Press, 2015.

5. *Ibidem.*

6. *Gumbrecht H. U. Op. cit.*

7. *Assmann A. Op. cit.*

В целом во всех вышеупомянутых исследовательских подходах к историческому времени есть нечто сбивающее с толку. И «теории присутствующего прошлого», и диагнозы культуры, похоже, подразумевают, что историческое время сегодня, так или иначе, совсем не историческое. Эти концептуализации транслируют чувство неизменности, поскольку прошлое не уходит и овладевает настоящим, а будущее является лишь расширением настоящего. Без возможности перемен, без будущего, отличного от прошлого и настоящего, нет исторического времени — есть лишь конец исторического времени в настоящем. На что указывают эти теории, так это на то, что нынешнее состояние западных обществ, не предполагающее перемен, наступающих со временем, на самом деле *аисторично*.

Разумеется, я вовсе не утверждаю, что это явно и намеренно содержится в диагнозах культуры. Но я полагаю, что это логически вытекает из них, и у меня есть три возражения против этой подразумеваемой аисторичности как неизменности. Мое первое возражение касается *отсутствия серьезной работы с планами на будущее как таковыми*; речь идет не об их восприятии, а о том, что это просто планы. Хотя в этих диагнозах и отмечается, что катастрофизм послевоенных образов будущего связан с новейшими экологическими и технологическими перспективами, их обсуждение ограничивается эпизодическими упоминаниями биотехнологий и глобального потепления. В них содержится интерес к проблеме будущего постольку, поскольку оно кажется угрожающим, но не рассматривается, почему будущее кажется катастрофическим, что представляют собой эти идеи и в чем их новизна. Если бы в них поднимались такие вопросы, то, возможно, обнаружилось бы, что разработка искусственного интеллекта, биотехнологии и изменение климата воспринимаются сегодня как *антропогенные экзистенциальные риски*⁸, то есть риски преждевременного вымирания человечества в результате человеческой деятельности.

Обсуждая *ответы* на антропогенные угрозы без изучения самих этих угроз, эти диагнозы не обращают внимания на некоторые принципиальные моменты: продление существования касается продления *человеческого существования* как такового; сами *перспективы* являются перспективами *перемен*; те перемены, которые люди предвидят сегодня в сферах экологии и тех-

8. Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority // Global Policy. 2013. Vol. 4. № 1. P. 15–31.

нологии, имеют совершенно другой характер, нежели перемены, обещанные модерным режимом времени. Позже я вернусь к новаторским характеристикам предполагаемых перемен. Сейчас отмечу только, что западные общества совершенно точно не презентистские в плане *ожиданий* будущего. Как раз наоборот: сегодняшние ожидания общества включают в себя ранее немыслимые перемены и трансформации условий человеческого существования.

Мое второе возражение тесно связано с первым: *предотвращение экзистенциального риска, связанного с реализацией худших сценариев вымирания человечества, не означает, что ничего не меняется*. Призыв принять меры, чтобы избежать самых дистопичных сценариев, не исключает возможности других перемен, которые не угрожают уничтожением человеческой жизни, даже если они связаны с развитием тех же сфер. Это непосредственно подводит меня к третьему возражению: *даже утопические перемены предстают сегодня в нашем воображении очень выпукло* — особенно в области технологий. Например, сегодня трансгуманизм и технологии улучшения человека часто понимаются как обновленные версии знакомых просвещенческих идеалов процессуального улучшения человека⁹. Другой вопрос, справедливо ли такое понимание.

В любом случае катастрофизм — не единственный тип представления будущего. Многие из сегодняшних технологических проектов вовсе не мыслят себя как ведущие к катастрофе или дистопии. Они могут быть оптимистичными и утопическими не только тогда, когда пробуждают модерный режим времени с его сохраняющейся надеждой на человеческое улучшение, но и когда утверждают, что преодолели его границы. Иногда даже трансгуманисты не делают различий между совершенствованием уже существующих человеческих способностей и попыткой создать сверхчеловеческие способности¹⁰. Они часто утверждают, что их идеи не про-

9. *Alleby B., Sarewitz D.* The Techno-Human Condition. Cambridge, MA: MIT Press, 2011; *Cabrera L. Y.* Rethinking Human Enhancement: Social Enhancement and Emergent Technologies. Basingstoke: Palgrave, 2015. P. 1–13; *Hauskeller M.* Better Humans? Understanding the Enhancement Project. L.; N.Y.: Routledge, 2015; *Jasanoff S.* Perfecting the Human: Posthuman Imaginaries and Technologies of Reason // Perfecting Human Futures: Transhuman Visions and Technological Imaginations / J. B. Hurlbut, H. Tirosch-Samuelson (eds). Wiesbaden: Springer, 2016. P. 73–95.

10. *Simon Z. B.* The Story of Humanity and the Challenge of Posthumanity // History of the Human Sciences. 2018. Vol. 32. № 2. P. 101–120.

тиворечат просвещенческим идеалам прогресса в самих условиях человеческого существования. В то же время они предъявляют, по выражению Макса Мора, гораздо более сильную программу «преодоления границ, наложенных биологическим и генетическим наследием»¹¹. Так или иначе, приверженцам трансгуманизма это представляется желанным, тогда как многие биоконсервативные критики¹² настороженно относятся к подобным перспективам, считая их дистопичными, поскольку в них заложена возможность отказа от существования, которое еще можно было бы назвать человеческим.

И вновь все это ставит вопрос о новом, вызванном технологическими и экологическими перспективами восприятия перемен, наступающих со временем в человеческих отношениях. Главное, перед нами встает вопрос: какую конфигурацию прошлого, настоящего и будущего подразумевают эти перемены? Для ответа необходимо в первую очередь понять вовсе не то, что научно-технологические и экологические планы на будущее дистопичны и катастрофичны. И дело не в том, что научные и технологические ожидания *в своей собственной перспективе* кажутся радужными и ведущими к улучшению условий человеческого существования по ходу исторического процесса. Что действительно нужно осознать, так это одновременное существование более чем оптимистичного и крайне пессимистичного восприятия одних и тех же планов на будущее. Необходимо постичь врожденный дистопизм самых радужных планов послевоенного времени и то, какой тип воспринимаемых перемен они таят.

Я покажу ниже, что именно обновленная философия истории как ничто другое может концептуализировать и понять текущую трансформацию исторического времени и новое чувство историчности, возникающее в западных обществах. Во-первых, я объясню, почему необходимо заново интерпретировать это интеллектуальное предприятие. Во-вторых, вернусь к вопросу о новом типе воспринимаемых перемен в последних экологических и технологических перспективах. Наконец, в-третьих, я соединю два предыдущих шага и концептуализирую трансформацию истории

11. More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future / M. More, N. Vita-More (eds). Malden: Wiley-Blackwell, 2013. P. 4.
12. См. подробнее об этом: Giubilini A., Sanyal S. Challenging Human Enhancement // The Ethics of Human Enhancement: Understanding the Debate / S. Clarke et al. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–24.

ческого времени как все более громкий призыв общества к событийной темпоральности перемен, происходящий на фоне потери веры в процессуальную темпоральность.

О необходимости философии истории

На необходимость философии истории наиболее выразительно указывают два прямо противоположных движения послевоенного периода, понятого в широком смысле (то есть если считать, что этот период продолжается до сих пор). С одной стороны, после Второй мировой войны растет скептическое отношение к философии истории, главным образом из-за того, что никто больше не верит в будущее, где человек и общество изменятся к лучшему; с другой — философия истории выживает в замаскированном виде.

Начну с первого: поскольку модерное понятие истории — это обещание лучшего будущего, которое видится вместе с настоящим и прошлым (история прокладывает путь к обещанному будущему), и поскольку это будущее коллапсирует, постольку само понятие истории неизбежно должно также схлопнуться, а вместе с ним и философия истории как практика разработки этого понятия. Однако указать на коллапс обещаний, наступивший после войны, не значит сказать, что мыслители Просвещения и последующие философы истории были наивными верующими. Рассмотрим следующее замечание Канта из его эссе о всеобщей истории:

... при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению¹³.

Как и Кант, мыслители Просвещения и последующие философы истории были прекрасно осведомлены об ужасах человеческих отношений. Они помыслили возможность лучшего будущего как идею истории именно для того, чтобы избавиться от этих ужасов: история была их концептуализацией возможности перемен в человеческих отношениях, наступающих со временем.

Таким образом, после войны западные общества отреклись не от наивной веры, а от *воли концептуализировать* перемены к лучшему *вопреки* исходному опыту переживания ужасов,

13. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 6 т. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса и др. М.: Мысль, 1966. С. 8.

свойственных человеческим отношениям. Этот процесс шел по нескольким направлениям. Первый момент, на который стоит указать, состоит в том, что критика философии истории существовала не только в послевоенный период. Хотя критическое отношение стало стандартным именно после Второй мировой войны, Раймон Арон еще в 1938 году представил книгу о философии истории, в которой оговаривался, что он не имеет в виду «большие систематические описания начала XIX века, которые сегодня уже дискредитированы»¹⁴. Однако в послевоенный период дискредитированными оказались не только «большие систематические описания XIX века», но и множество связанных с ними идей. «Диалектика просвещения» Хоркхаймера и Адорно¹⁵ — на редкость поучительный пример того, что я имею в виду. Их история о том, как идеалы Просвещения привели к самым отвратительным и страшным последствиям вместо того, чтобы выполнить свои обещания, может выступить в качестве определенной критики философии истории. Но фактически в ней просто переворачивается то направление развития человеческих отношений, которое предполагалось ранее. Если Ханна Арендт права, когда утверждает, что «Прогресс и Закат являются двумя сторонами одной медали»¹⁶, то полноценная критика предприятия философии истории должна стремиться отбросить эту медаль целиком вместо противопоставления двух ее сторон. Другими словами, такая полноценная критика стремится отбросить общую идею направленности вне зависимости от того, какие направления предполагаются в рамках того или иного подхода.

Послевоенное скептическое отношение ко всему предприятию философии истории означало скепсис в адрес этих наиболее общих идей. Не стремясь представить их полный обзор, упомяну еще несколько: идею предполагаемого познания будущего (не важно, что отдельные образы будущего могли различаться); идею тождества постулированного исторического процесса самому себе (не важно, какую конкретную форму он мог принимать); идею, что исторический процесс следует четко различимой схеме, неизбежно управляемой безличной «силой» истории (чем бы

14. Арон Р. Избр.: Введение в философию истории. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. Первое французское издание вышло в 1938 году.

15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецовой. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

16. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой и др.; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. С. 30.

ни была эта сила); идею, что у истории есть конечная и внутренне присущая ей цель или замысел (каким бы он ни был). Если говорить о конкретных примерах, можно заметить, что разделять лиотаровское понимание состояния постмодерна как «недоверия к метанарративам»¹⁷ означает не доверять никаким метанарративам, включая и тот, что предложили Хоркхаймер и Адорно. Согласиться с Поппером по поводу невозможности предсказать будущее человеческих отношений исходя из их прошлого¹⁸ или согласиться с Артуром Данто в том, что формирование хода истории, основанное на нелегитимном знании будущего, приводит к нелегитимности знаний о прошлом¹⁹, значит согласиться также и с тем, что знания о будущем нелегитимны. Аналогично критика исторической неизбежности, предложенная Исайей Берлином²⁰, влечет за собой недоверие к общей идее движущегося детерминированного исторического процесса.

Постмодернистские теории «конца истории», которые объявляют конец современной идее истории, подразумевающей движение и направленность²¹, обладают одной парадоксальной особенностью. С одной стороны, они вписываются в тренд ярко выраженного скептического отношения к философии истории; с другой — свидетельствуют о ее выживании, так как сами тайно ее практикуют. Дело в том, что заявление о «конце истории» с необходимостью вызывает к эпохальной перемене в базовых установках исторического мышления, даже если провозглашается, что в новой эре истории нет. Тем не менее некоторые постмодернистские теоретики конца истории прекрасно осведомлены о двойственности своей позиции. Джанни Ваттимо как минимум достаточно рефлексивен, чтобы не только ассоциировать постмодерн с иде-

17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетея, 1998.

18. Поппер К. Нищета историцизма / Пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс, 1993.

19. Danto A. C. *Narration and Knowledge: Including the Integral Text of Analytical Philosophy of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1985.

20. Berlin I. *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty* / H. Hardy (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002.

21. См.: Baudrillard J. *The Vital Illusion* / J. Witwer (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 2000; Jenkins K. *Why Bother With the Past? Engaging With Some Issues Raised by the Possible "End of History as We Have Known It"* // *Rethinking History*. 1997. Vol. 1. № 1. P. 56–66; Vattimo G. *The End of (Hi)story* // *Chicago Review*. 1987. Vol. 35. № 4. P. 20–30. См. подробнее об этом: Butler J. *Poststructuralism and Postmarxism* // *Diacritics*. 1993. Vol. 23. № 4. P. 2–11.

ей «конца истории», но и заметить, что «недоверие к метанарративам» есть само по себе метанарратив²².

Оставить философию истории и идею исторического процесса настолько нелегко, что даже тех, кто пытается это сделать, можно буквально застать на месте преступления — за занятием философией истории. Неудивительно, что историй о ее выживании так же много, как и историй о ее смерти. Согласно Луи Минку, идея «универсальной истории» выживает в исторических текстах в виде предположения о том, что прошлая реальность — это нерассказанная история. Но это, увы, не осознается теми, кто на практике занимается историческими исследованиями: преобразованная идея «универсальной истории» как еще не рассказанного прошлого действительно «предполагается имплицитно так же широко, как эксплицитно отвергается»²³. Психологический аспект этой проблемы заостряет Хейден Уайт, когда пишет о необходимом присутствии философии истории в каждом образце историописания. В заключении знаковой работы «Метаистория» Уайт, среди прочего, настаивает, что

...каждая философия истории содержит внутри себя элементы собственно истории, так же как каждая собственно история содержит внутри себя элементы вполне сформировавшейся философии истории²⁴.

То есть независимо от того, осознается это или нет, невозможно писать историю без опоры на философию истории (понятую как ход развития человеческих отношений). Дело в том, что она прячется на заднем плане и тайно воодушевляет историка.

На самом деле в любом историописании содержится не вечная версия некогда популярной идеи (как предлагает Минк), а молчаливое и необходимое обращение к предприятию философии истории. Возможно, это слишком смелое заявление. Тем не менее, я думаю, Уайт прав: более того, философия истории выжила не только в профессиональных исторических исследованиях, но и внутри многих других дисциплин. Интересно, что подобная подразумеваемая философия истории, похоже, наиболее отчет-

22. Vattimo G. Op. cit.

23. Mink L. O. Historical Understanding / B. Fay et al. (eds). Ithaca: Cornell University Press, 1987. P. 188.

24. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 493.

ливо проявляется в социологических теориях или в политических науках, которые стремятся понять, как конституируется мир на протяжении длительных временных периодов. Теории модернизации, глобализации, демократизации и секуляризации — собственно, все теории «-ации» — полагаются на процессуальную темпоральность и рисуют историческое развитие, разворачивающееся во времени. Такие теории «-ации», конечно, могут разработать и историки, впрочем называя их обычно интерпретациями длительных процессов, а не теориями.

Это подводит меня к последнему типу историй выживания, который я хотел бы представить: к самому что ни на есть продолжению предприятия философии истории. Ученые-популяризаторы и публичные интеллектуалы — эксперты в области когнитивистики, психологии или географии — придерживаются идеи девелопментального исторического процесса, в котором центральным субъектом является человечество²⁵. В последнее время даже популярные историки поддались желанию рассказывать универсальные истории человечества²⁶, а большой исторический проект, запущенный Дэвидом Кристианом²⁷, нацелен на то, чтобы изложить историю практически всего — начиная с Большого взрыва — в рамках одного разворачивающегося рассказа. Более детальное перечисление включило бы глубокую историю, мировую историю, расцвет глобальной истории или недавнее увлечение рассказыванием широкомасштабных историй антропоцена. Но все это, на мой взгляд, достаточно ясно указывает на то, что западный мир сталкивается с серьезными трудностями в попытке действительно расстаться и с историей как с идеей перемен, наступающих со временем в человеческих отношениях, и с философией истории как с предприятием концептуализации такой «истории».

В результате перед нами задача столь же сложная, сколь и породившая ее ситуация. Проблема в следующем: в объяснении и описании нуждаются одновременно *и* скептическое отношение к предприятию философии истории, *и* реальное нежелание расстаться с историей. Если мы не сможем всерьез рассмотреть скеп-

25. См.: Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ / Под ред. Г. Л. Юзефович. М.: Corpus, 2012; Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. N.Y.: Viking, 2011.

26. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2019.

27. Christian D. The Case for “Big History” // Journal of World History. 1991. Vol. 2. № 2. P. 223–238.

сис и лишь ограничимся тем, что отметим нежелание расстаться с историей, мы, скорее всего, закончим тем, что будем просто провозглашать возврат к классическим философиям истории, как если бы ничего не произошло за последние семьдесят лет. Если же мы не сможем всерьез осознать нежелание расстаться с историей, то упустим целое предприятие социокультурного поиска, которое жаждет удовлетворения, и с большой вероятностью закончим тем, что станем выступать за разрушение предприятия, направленно-го на удовлетворение этой жажды.

Стоит поступить иначе: серьезно посмотреть на обе стороны уравнения, то есть признать и необходимость философии истории, и непригодность того способа, которым ей занимались на протяжении всего периода западного модерна. Это означает, что необходимость философии истории не является безусловной или естественно данной. Речь совершенно точно идет об *условной необходимости*, которая касается контекстно обусловленного и целеориентированного человеческого поиска. Философия истории может исчезнуть, и может настать день, когда с историей будет покончено. Но этот день наступит только тогда, когда, удовлетворенные философией истории, те самые социокультурные нужды исчезнут. На данный момент дело, похоже, обстоит не так. Напротив, предприятие философии истории все еще необходимо, так как она является *наилучшей попыткой западных обществ концептуализировать, то есть понять, описать и сделать возможными перемены в человеческих отношениях; следовательно, она необходима постольку, поскольку западные общества заботят перемены, наступающие с течением времени.*

Поняв, что значит условная необходимость, можно и в самом деле оставить общие идеи, которые были определяющими для современной философии истории. Концептуализация исторических перемен и исторического времени вовсе не обязательно должна исходить из понимания истории как некоей силы или как некоего реализуемого «генерального плана». Обновленная философия истории не постулирует исторический процесс, в рамках которого у человечества есть цель и предназначение. Вместо этого она может полностью осознать, что «история» есть ее собственное концептуальное изобретение. Но осознать это — значит не просто принять тот же исторический процесс, только без детерминизма и замысла, присущего развитию человеческих отношений. Скорее, это значит концептуализировать новое понятие истории, вырастающее из сегодняшних тревог о переменах и восприятии времени как «исторического». Таким образом, цен-

тральный вопрос такой обновленной философии истории звучит так: как понять историческое время, когда даже то, что кажется утопическими остатками улучшения человека и общества в технологическом и экологическом плане, получается внутренне дистопичным?

Новый смысл историчности

Ранее я уже рискнул предложить частичные ответы на вопросы, связанные с представленной здесь проблемой²⁸. Сейчас я хотел бы резюмировать два моих тезиса и развить более общий тезис, который позволит мне кратко обрисовать трансформацию исторического времени.

Первый тезис: *я пришел к тому, что тип восприятия перемен, лежащий в основе сегодняшних перспектив, необходимо назвать беспрецедентным*. Как оптимистичные, так и пессимистичные ожидания будущего в научно-технологической сфере обычно касаются перемен, которые понимаются не просто как результат разворачивания прошлых предпосылок. Утопические образы технологии внутренне дистопичны именно из-за того, что они не являются будущим развитием уже известных и знакомых потенциалов и еще не реализованных возможностей. Напротив, как уже говорилось ранее, технологические перспективы искусственного интеллекта, биоинженерии, трансгуманизма, редактирования генома и улучшения человека влекут за собой возможности создания существ, отличных от людей, со способностями, превышающими человеческие. Относительно экологических перспектив, разумеется, не предполагается никаких действий, намеренно направленных на их приближение. Тем не менее тип перемен, имплицитно присутствующий в этих перспективах, и потенциальная возможность человечества уничтожить себя *категориально* одинаковы в технологической и экологической сферах. Вызов, который представляет собой образ необитаемой планеты и человеческого вымирания как результат антропогенного климатического изменения, состоит в том,

28. Simon Z. B. History Manifested: Making Sense of Unprecedented Change // *European Review of History*. 2015. Vol. 22. № 5. P. 819–834; *Idem*. (The Impossibility of) Acting Upon a Story That We Can Believe // *Rethinking History*. 2018. Vol. 22. № 1. P. 105–125; *Idem*. History Begins in the Future: On Historical Sensibility in the Age of Technology // *The Ethos of History: Time and Responsibility* / S. Helgesson, J. Svenungsson (eds). N.Y.: Berghahn, 2018. P. 192–209.

что он подрывает непрерывность человеческого опыта²⁹. Подрыв этой непрерывности, подрыв возможности вернуться к известной конфигурации изменений, подрыв возможности осмысления будущего за счет связывания его с прошлыми опытами (на человеческой шкале времени) или с прошлыми происшествиями (на более длительной шкале времени) вместе с вызовом, брошенным глубоко процессуальной темпоральности, и есть то, что я называю беспрецедентным.

Второй тезис вытекает из первого: *помыслить перемены, наступающие со временем, как беспрецедентные — значит помыслить событийную трансформацию*. То, что понято как беспрецедентное, должно произойти за мгновение в форме некоего события, которое полностью изменит весь предыдущий расклад. Это, конечно, не означает, что перед этим ожидаемым событием ничего не может произойти и ничего не может измениться. Это означает только, что мы предполагаем: ожидаемая моментальная трансформация будет приведена в действие неким происшествием, которое мы считаем подрывным событием. Мой любимый пример такого события — технологическая сингулярность³⁰, которая описывает создание сверхчеловеческого разума с последствиями, недоступными человеческому пониманию (что и является основным источником тревоги и дистопичности перспектив, связанных с событийными трансформациями).

Эти два тезиса приводят к третьему, наиболее значимому: *маштаб, с которым должна работать обновленная философия истории, не может ограничиваться человеческими отношениями, то есть не может ограничиваться отношениями, которые включают исключительно людей*. Это, возможно, и удивительно, и в то же время не удивительно. Этот подход удивляет, если сравнивать его с классическими философиями истории человека и человечества, но не удивляет, если сопоставить его с нынешней какофонией дискурсов, которые так или иначе задаются вопросами о том, что есть человеческое. Не ставя перед собой цели представить все эти взгляды, часто радикально противоречащие друг другу, я упомяну некоторые из них.

29. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses// Critical Inquiry. 2009. Vol. 35. № 2. P. 197–198.

30. Vinge V. Technological Singularity// The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future / M. More, N. Vita-More (eds). Malden: Wiley-Blackwell, 2013. P. 365–375.

На мой взгляд, множество дискурсов о постгуманизме представляет собой наилучший индикатор того, что западные общества рисуют в своем воображении непредвиденные перемены, а вовсе не пребывают в презентизме. Перспектива постчеловечества представляется здесь наиболее острой. С этой точки зрения новая эра будет отмечена уже упомянутым ранее созданием существ, которые могут быть постчеловеками в самом буквальном смысле. Создание сверхчеловеческого разума³¹ и сценарии радикального улучшения, за которые выступает трансгуманизм, представляют собой самые известные версии этого технологического постчеловечества. Кроме того, существует критический постгуманизм, сосредоточенный на разоблачении гуманизма как модели мысли, чье господство затянулось. Он ставит под сомнение антропоцентризм и человеческую исключительность, борется против его центральной идеи — либерального субъекта — и стремится переопределить разделение между людьми и животными³². Эва Доманска уже попыталась обратить внимание на значимость постгуманизма для исторической теории³³. Более утонченная версия постгуманизма Нэнси Кэтрин Хейлс³⁴ часто осциллирует между критической и научно-технологической версиями, но скорее склоняется к первой. Согласно этой теории, наступление эпохи постчеловечества не обязательно означает биологические изменения.

Ни одна из этих теорий не утверждает, что человек не важен или что он перестал быть их главным поводом для беспокойства. Несмотря на все заявления критических постгуманистов о необходимости антиантропоцентризма, ясно, что сами эти дискурсы в большинстве своем появились из-за того, что человечество представляет для себя угрозу в форме антропогенных рисков, описанных выше. Критические постгуманисты не взывали бы к сдержанности и не ставили бы под вопрос исключительность человека, если бы не видели, что человек сегодня обладает беспре-

31. Ibidem; Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

32. Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 2013; Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; Wolfe C. *What Is Posthumanism?* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

33. Domanska E. *Beyond Anthropocentrism in Historical Studies* // *Historein*. 2010. Vol. 10. P. 118–130; Idem. *Animal History* // *History and Theory*. 2017. Vol. 56. № 2. P. 267–287.

34. Hayles N. K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.

цедентными возможностями — как созидания, так и разрушения. Нигде это не видно так отчетливо, как в дискуссиях об антропоцене, в связи с которыми даже Чакрабарти поддается соблазну и следует часто критикуемой тенденции говорить об «эпохе людей»³⁵. В то же время он утверждает, что *антропос* в дискуссии об антропоцене — не просто повтор старых концепций человечества, а новое определение человеческого в *зооцентричной* картине мира, сфокусированной на жизни³⁶. Аналогично Доманска располагает антропоцен вместе с проблемами более широкой категории жителей Земли (*terrans*)³⁷, а не более узкой категории «человеков», а Латур предлагает свою еще более широкую категорию «находящихся на Земле» (*earthlings*)³⁸.

Вновь оговорюсь, что есть много примеров, которые могли бы дополнить этот список. Однако надеюсь, что я смог продемонстрировать тенденцию: с новыми концептами или без, в узких исторических исследованиях³⁹ или в междисциплинарных проектах⁴⁰ сегодняшняя историчность охватывает хитросплетенный мир человеческих/нечеловеческих дел.

Трансформация исторического времени: процессуальная и событийная темпоральности

Во избежание недоразумений уточню, что я не продвигаю описанные выше взгляды. Правильнее будет сказать, что я стремлюсь распознать и концептуализировать их тематику, проблемы

35. Chakrabarty D. The Future of the Human Sciences in the Age of Humans: A Note // *European Journal of Social Theory*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 39–43.
36. *Idem*. The Human Condition in the Anthropocene // The Tanner Lectures in Human Values. Delivered at Yale University, 18–19 February, 2015. URL: <https://tannerlectures.utah.edu/Chakrabarty%20manuscript.pdf>.
37. Domanska E. The New Age of the Anthropocene // *Journal of Contemporary Archaeology*. 2014. Vol. 1. № 1. P. 96–101.
38. Latour B. A Plea for Earthly Sciences // *New Social Connections: Sociology's Subjects and Objects* / J. Burnett et al. (eds). Basingstoke: Palgrave, 2010. P. 72–84.
39. Chaplin J. E. Can the Nonhuman Speak? Breaking the Chain of Being in the Anthropocene // *Journal of the History of Ideas*. 2017. Vol. 78. № 4. P. 509–529.
40. Braidotti R. Yes, There Is No Crisis: Working Towards the Posthumanities // *International Journal for History, Culture and Modernity*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 187–199; Domanska E. Ecological Humanities // *Teksty Drugie*. 2015. Special Issue — English Edition. P. 186–210; Robin L. Environmental Humanities and Climate Change: Understanding Humans Geologically and Other Life Forms Ethically // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2018. Vol. 9. № 1. P. e499.

и предпосылки как нашу новую историческую чувствительность. Я полагаю, что переопределение человеческого/нечеловеческого мира как объекта познания, восприятие перемен, наступающих со временем, как беспрецедентных и ожидание сингулярного подрывного события, которое и приведет к этим беспрецедентным переменам, являются интегральными чертами происходящей ныне трансформации исторического времени.

Рискуя прибегнуть к грубой схематизации, я предлагаю различать процессуальное и событийное понимание исторического времени. Думаю, это различие может быть полезным в дальнейшем. Перемены, понятые в процессуальной темпоральности, включают в себя изменения состояния субъекта в человеческом мире, разворачивающиеся на фоне глубокой темпоральной непрерывности. Это историческое время, как мы его знаем в западной модерности. Перемены, понятые в событийной темпоральности, касаются перемен в мире, где переплетено человеческое и нечеловеческое, которые выводят на сцену ранее не существовавшего субъекта через прерывность, через беспрецедентные перемены. Таково историческое время, возникающее в обществах, переживших Вторую мировую войну. Трансформацию исторического времени можно лучше понять как возрастающую склонность западных обществ воспринимать перемены через событийную темпоральность; при этом все меньше ожиданий связано с переменами, которые могли бы произойти по процессуальному сценарию.

Хотя подобное схематическое противопоставление и может пригодиться для того, чтобы яснее концептуализировать ставку трансформации исторического времени, очевидно, что конкретные точки зрения в большинстве случаев более расплывчаты и противоречивы. Ровно так же, как процессуальная историческая чувствительность вовсе не обязательно демонстрирует в каждом проявлении весь свой арсенал (направленность, тождественность, телеология и т. д.), отдельные примеры событийной концепции исторического времени не всегда подразумевают все вышеупомянутые три черты, ассоциирующиеся с событийной темпоральностью на концептуальном уровне. Не говоря уже о том, что в некоторых дискурсах эти две темпоральности часто смешиваются. Например, критический постгуманизм подразумевает процессуальную темпоральность, когда поднимает проблемы эмансипации, расширяя эмансипацию людей до мира не-человеков, а изменение познания на тектоническом уровне, за которое он выступает, как раз определяется как беспрецедентная переме-

на, не вытекающая из прошлых предпосылок, как это происходило бы в случае накопления знаний.

Поскольку проблематики и темпоральности могут смешиваться в различных дискурсах и видениях, главный вопрос состоит в том, как сегодня могут соотноситься процессуальные и событийные диспозиции исторического времени. Попробуем ответить на этот вопрос, начав издалека: заметим, что и процессуальная, и событийная темпоральности могут быть названы «историческими» в той мере, в какой они создают конфигурацию широкомасштабных перемен, наступающих со временем, без предпосылки о потустороннем вмешательстве, будь то божественном или сверхъестественном. Однако возникает не менее сильный соблазн рассматривать событийную темпоральность как предлагающую перемены, отличные от исторических. Также можно было бы предложить новый концепт, который поначалу прозвучал бы несколько странно: концепт для описания чего-то отличного от истории, что можно противопоставить истории и ее процессуальному времени. Но в определенном смысле результат был бы одним и тем же: пока событийная темпоральность, таящаяся в послевоенных взглядах на будущее, не понимается нами *исключительно* как новая версия старого исторического времени, пока возникновение ранее неизвестного типа восприятия перемен мыслится как грозящее уничтожить все, что мы до этого думали об исторических переменях, — не имеет никакого значения, оставляем мы *слово* история или нет. Тем не менее сам факт, что мы продолжаем называть время обеих темпоральностей «историческим», может все запутать. Однако мы знаем, в большой степени благодаря работе Райнхарта Козеллека, что концепты склонны менять свои значения вплоть до того, что значения, ассоциирующиеся с некоторыми словами и концептами, полностью растворяются с появлением новых значений, которые начинают с ними ассоциироваться⁴¹.

На данный момент с «историей» этого не происходит (хотя, возможно, это только пока). Скорее, мне кажется, где-то с конца Второй мировой войны мы живем в период, аналогичный периоду между 1750 и 1850 годами, «седловому времени» (*Sattelzeit*). Так Козеллек назвал период, когда кластер взаимосвязанных концептов (от самого концепта истории до концептов революции и утопии) приобрел темпоральное измерение и, таким образом, новые

41. Koselleck R. Op. cit.

значения, что привело в результате к концептуальной модели процессуальной историчности западной модерности. Если, как я полагаю, мы сейчас пребываем в еще одном седловом периоде существенных изменений, это означает, что старые и новые понимания истории и концепций исторического времени существуют параллельно и даже в некоторых случаях смешиваются друг с другом, как, например, в случае критического постгуманизма. Это еще одна причина, по которой лучше на данный момент рассматривать обе темпоральности — процессуальную и событийную — как «исторические».

Пока мы не признаем или не заявим открыто, что трансформация закончилась, что она произошла и этого уже не изменить, мы не сможем определить ее характер и решить вопрос о том, является ли сама трансформация исторического времени процессуальной или событийной. Соответственно, тезис, который я хотел бы выдвинуть, состоит только в том, что в послевоенном мире можно аналитически выделить процессуальную и событийную темпоральности исторического времени. В более сильной версии этот тезис гласит: событийная темпоральность становится все более заметной за счет вытеснения некогда вездесущей процессуальной концепции исторического времени. Если сейчас происходит *трансформация* исторического времени, то ничего определенного о ее характере сказать нельзя ровно потому, что *происходящая* трансформация *исторического времени* как раз и меняет способ говорения о трансформациях во времени.

Библиография

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арон Р. Избр.: Введение в философию истории. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000.
- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М.: Corpus, 2012.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
- Поппер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
- Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
- Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory / M. Tamm (ed.). Basingstoke: Palgrave, 2015.

- Alleby B., Sarewitz D. *The Techno-Human Condition*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.
- Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munich: Hanser, 2013.
- Baudrillard J. *The Vital Illusion* / J. Witwer (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 2000.
- Berlin I. *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty* / H. Hardy (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Bevernage B. *History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*. L.; N.Y.: Routledge, 2012.
- Bostrom N. *Existential Risk Prevention as Global Priority* // *Global Policy*. 2013. Vol. 4. № 1. P. 15–31.
- Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Braidotti R. Yes, There Is No Crisis: Working Towards the Posthumanities // *International Journal for History, Culture and Modernity*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 187–199.
- Butler J. *Poststructuralism and Postmarxism* // *Diacritics*. 1993. Vol. 23. № 4. P. 2–11.
- Cabrera L. Y. *Rethinking Human Enhancement: Social Enhancement and Emergent Technologies*. Basingstoke: Palgrave, 2015. P. 1–13.
- Chakrabarty D. *The Climate of History: Four Theses* // *Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. № 2. P. 197–222.
- Chakrabarty D. *The Future of the Human Sciences in the Age of Humans: A Note* // *European Journal of Social Theory*. 2017. Vol. 20. № 1. P. 39–43.
- Chakrabarty D. *The Human Condition in the Anthropocene* // *The Tanner Lectures in Human Values*. Delivered at Yale University, 18–19 February, 2015. URL: <http://tannerlectures.utah.edu/Chakrabarty%20manuscript.pdf>.
- Chaplin J. E. Can the Nonhuman Speak? Breaking the Chain of Being in the Anthropocene // *Journal of the History of Ideas*. 2017. Vol. 78. № 4. P. 509–529.
- Christian D. The Case for “Big History” // *Journal of World History*. 1991. Vol. 2. № 2. P. 223–238.
- Danto A. C. *Narration and Knowledge: Including the Integral Text of Analytical Philosophy of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1985.
- Domanska E. *Animal History* // *History and Theory*. 2017. Vol. 56. № 2. P. 267–287.
- Domanska E. *Beyond Anthropocentrism in Historical Studies* // *Historein*. 2010. Vol. 10. P. 118–130.
- Domanska E. *Ecological Humanities* // *Teksty Drugie*. 2015. Special Issue — English Edition. P. 186–210.
- Domanska E. *The New Age of the Anthropocene* // *Journal of Contemporary Archaeology*. 2014. Vol. 1. № 1. P. 96–101.
- Giubilini A., Sanyal S. *Challenging Human Enhancement* // *The Ethics of Human Enhancement: Understanding the Debate* / S. Clarke, J. Savulescu, C. A. J. Coady, A. Giubilini, S. Sanyal (eds). Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–24.
- Gumbrecht H. U. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. N.Y.: Columbia University Press, 2014.

- Haraway D. *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.
- Hartog F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. N.Y.: Columbia University Press, 2015.
- Hauskeller M. *Better Humans? Understanding the Enhancement Project*. L.; N.Y.: Routledge, 2015.
- Hayles N.K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Jasanoff S. *Perfecting the Human: Posthuman Imaginaries and Technologies of Reason* // *Perfecting Human Futures: Transhuman Visions and Technological Imaginations* / J. B. Hurlbut, H. Tirosh-Samuelson (eds). Wiesbaden: Springer, 2016. P. 73–95.
- Jenkins K. *Why Bother With the Past? Engaging With Some Issues Raised by the Possible “End of History as We Have Known It”* // *Rethinking History*. 1997. Vol. 1. № 1. P. 56–66.
- Kleinberg E. *Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*. Stanford: Stanford University Press, 2017.
- Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. N.Y.: Columbia University Press, 2004.
- Latour B. *A Plea for Earthly Sciences* // *New Social Connections: Sociology's Subjects and Objects* / J. Burnett, S. Lefferes, G. Thomas (eds). Basingstoke: Palgrave, 2010. P. 72–84.
- Lorenz C. *Unstuck in Time, or The Sudden Presence of the Past* // *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter (eds). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 67–102.
- Löwith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
- Mink L. O. *Historical Understanding* / B. Fay, E. O. Golob, R. T. Vann (eds). Ithaca: Cornell University Press, 1987.
- More M. *The Philosophy of Transhumanism* // *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* / M. More, N. Vita-More (eds). Malden: Wiley-Blackwell, 2013.
- Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. N.Y.: Viking, 2011.
- Robin L. *Environmental Humanities and Climate Change: Understanding Humans Geologically and Other Life Forms Ethically* // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2018. Vol. 9. № 1. e499.
- Runia E. *Presence* // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 1–29.
- Simon Z. B. *(The Impossibility of) Acting Upon a Story That We Can Believe* // *Rethinking History*. 2018. Vol. 22. № 1. P. 105–125.
- Simon Z. B. *History Begins in the Future: On Historical Sensibility in the Age of Technology* // *The Ethos of History: Time and Responsibility* / S. Helgesson, J. Svenungsson (eds). N.Y.: Berghahn, 2018. P. 192–209.
- Simon Z. B. *History Manifested: Making Sense of Unprecedented Change* // *European Review of History*. 2015. Vol. 22. № 5. P. 819–834.
- Simon Z. B. *The Story of Humanity and the Challenge of Posthumanity* // *History of the Human Sciences*. 2018. Vol. 32. № 2. P. 101–120.
- Simon Z. B. *The Transformation of Historical Time. Processual and Evental temporalities* // *Rethinking Historical Time: New Approaches to*

- Presentism / M. Tamm, L. Olivier (eds). L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2019.
P. 71–84.
- Vattimo G. The End of (Hi)story // Chicago Review. 1987. Vol. 35. № 4. P. 20–30.
- Vinge V. Technological Singularity // The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future / M. More, N. Vita-More (eds). Malden: Wiley-Blackwell, 2013.
P. 365–375.
- Wolfe C. What Is Posthumanism? Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

THE TRANSFORMATION OF HISTORICAL TIME: PROCESSUAL AND EVENTAL TEMPORALITIES

ZOLTÁN BOLDIZSÁR Simon. Associate Professor, Faculty of Humanities, Institute for History; Research Fellow, Department of History, Faculty of History, Philosophy and Theology, zoltanbsimon@uni-bielefeld.de.

Bielefeld University, Postfach 10 01 31, 33501 Bielefeld, Germany.

Leiden University, 16 Doelensteeg, 2311 VL Leiden, Netherlands.

Keywords: historical time; modern time regime; evental temporality; presentism; catastrophism; transhumanism; posthumanism; Anthropocene; philosophy of history.

The author takes on two interrelated tasks. The first is to justify the philosophy of history as an intellectual enterprise for the modern era and one which is dedicated to finding a positive meaning in the changes that occur within humanity as it moves from the past toward the future. The viability of that enterprise has been called into question by the catastrophes of the twentieth century. The second task is to propose a new concept of historical temporality instead of the “processual” one that was discredited in the previous century. Simon maintains that we are now living in a period similar to the “saddle time” (from 1750 to 1850) described by Reinhart Koselleck. The difference between that period and the current one lies in the replacement of the “processual” temporality that was established in that earlier time by an “evental” temporality, whose structure this article is intended to explain.

The future plays a key role in the structure of evental temporality. The future no longer denotes the perspective that maps out the direction of historical changes but is instead synonymous with changes as such — changes so radical that the continued existence of mankind within its former ecological, biological and physiological boundaries is at stake. The author illustrates these changes with references to bioengineering, artificial intelligence, anthropogenic climate change, etc. Expectations about these changes are utopian and dystopian at the same time and can feed one’s wildest hopes and fantasies as well as inspire the darkest fears and dreads. In any case, these changes themselves are in no way determined by the previous course of history. The future they point to undermines the continuity of human experience because it is completely independent of the past.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-4-219-242

References

- Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory* (ed. M. Tamm), Basingstoke, Palgrave, 2015.
- Alleby B., Sarewitz D. *The Techno-Human Condition*, Cambridge, MA, MIT Press, 2011.
- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, TsentrKom, 1996.
- Aron R. *Izbr.: Vvedenie v filosofiiu istorii* [Selected Works: Introduction to Philosophy of History], Moscow, Saint Petersburg, PER SE, Universitetskaia kniga, 2000.
- Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*, Munich, Hanser, 2013.

- Baudrillard J. *The Vital Illusion* (ed. J. Witwer), New York, Columbia University Press, 2000.
- Berlin I. *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty* (ed. H. Hardy), Oxford, Oxford University Press, 2002.
- Bevernage B. *History, Memory, and State-Sponsored Violence: Time and Justice*, London, New York, Routledge, 2012.
- Bostrom N. Existential Risk Prevention as Global Priority. *Global Policy*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 15–31.
- Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, Oxford, Oxford University Press, 2014.
- Braidotti R. *The Posthuman*, Cambridge, Polity Press, 2013.
- Braidotti R. Yes, There Is No Crisis: Working Towards the Posthumanities. *International Journal for History, Culture and Modernity*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 187–199.
- Butler J. Poststructuralism and Postmarxism. *Diacritics*, 1993, vol. 23, no. 4, pp. 2–11.
- Cabrera L. Y. *Rethinking Human Enhancement: Social Enhancement and Emergent Technologies*, Basingstoke, Palgrave, 2015, pp. 1–13.
- Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses. *Critical Inquiry*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 197–222.
- Chakrabarty D. The Future of the Human Sciences in the Age of Humans: A Note. *European Journal of Social Theory*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 39–43.
- Chakrabarty D. The Human Condition in the Anthropocene. The Tanner Lectures in Human Values. Delivered at Yale University, 18–19 February, 2015. Available at: <http://tannerlectures.utah.edu/Chakrabarty%20manuscript.pdf>.
- Chaplin J. E. Can the Nonhuman Speak? Breaking the Chain of Being in the Anthropocene. *Journal of the History of Ideas*, 2017, vol. 78, no. 4, pp. 509–529.
- Christian D. The Case for “Big History”. *Journal of World History*, 1991, vol. 2, no. 2, pp. 223–238.
- Danto A. C. *Narration and Knowledge: Including the Integral Text of Analytical Philosophy of History*, New York, Columbia University Press, 1985.
- Diamond J. *Ruzh'ia, mikroby i stal'. Sud'by chelovecheskikh obshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies], Moscow, Corpus, 2012.
- Domanska E. Animal History. *History and Theory*, 2017, vol. 56, no. 2, pp. 267–287.
- Domanska E. Beyond Anthropocentrism in Historical Studies. *Historein*, 2010, vol. 10, pp. 118–130.
- Domanska E. Ecological Humanities. *Teksty Drugie*, 2015, Special Issue — English Edition, pp. 186–210.
- Domanska E. The New Age of the Anthropocene. *Journal of Contemporary Archaeology*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 96–101.
- Giubilini A., Sanyal S. Challenging Human Enhancement. *The Ethics of Human Enhancement: Understanding the Debate* (eds S. Clarke, J. Savulescu, C. A. J. Coady, A. Giubilini, S. Sanyal), Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 1–24.
- Gumbrecht H. U. *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*, New York, Columbia University Press, 2014.
- Harari Y. N. *Sapiens. Kratkaia istoriia chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind], Moscow, Sindbad, 2019.
- Haraway D. *When Species Meet*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2008.
- Hartog F. *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*, New York, Columbia University Press, 2015.

- Hauskeller M. *Better Humans? Understanding the Enhancement Project*, London, New York, Routledge, 2015.
- Hayles N. K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*, Chicago, University of Chicago Press, 1999.
- Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* [Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente], Moscow, Saint Petersburg, Medium, Iuventa, 1997.
- Jasanoff S. Perfecting the Human: Posthuman Imaginaries and Technologies of Reason. *Perfecting Human Futures: Transhuman Visions and Technological Imaginations* (eds J. B. Hurlbut, H. Tirosh-Samuelson), Wiesbaden, Springer, 2016, pp. 73–95.
- Jenkins K. Why Bother With the Past? Engaging With Some Issues Raised by the Possible “End of History as We Have Known It”. *Rethinking History*, 1997, vol. 1, no. 1, pp. 56–66.
- Kant I. Ideia vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht]. *Soch.: V 6 t.* [Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1966, vol. 6.
- Kleinberg E. *Haunting History: For a Deconstructive Approach to the Past*, Stanford, Stanford University Press, 2017.
- Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, New York, Columbia University Press, 2004.
- Latour B. A Plea for Earthly Sciences. *New Social Connections: Sociology's Subjects and Objects* (eds J. Burnett, S. Lefferes, G. Thomas), Basingstoke, Palgrave, 2010, pp. 72–84.
- Lorenz C. Unstuck in Time, or The Sudden Presence of the Past. *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* (eds K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter), Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 67–102.
- Löwith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*, Chicago, University of Chicago Press, 1949.
- Lyotard J.-F. *Sostoianie postmoderna* [La condition postmoderne], Saint Petersburg, Aleteia, 1998.
- Mink L. O. *Historical Understanding* (eds B. Fay, E. O. Golob, R. T. Vann), Ithaca, Cornell University Press, 1987.
- More M. The Philosophy of Transhumanism. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (eds M. More, N. Vita-More), Malden, Wiley-Blackwell, 2013.
- Pinker S. *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*, New York, Viking, 2011.
- Popper K. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism], Moscow, Progress, 1993.
- Robin L. Environmental Humanities and Climate Change: Understanding Humans Geologically and Other Life Forms Ethically. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 2018, vol. 9, no. 1, e499.
- Runia E. Presence. *History and Theory*, 2006, vol. 45, no. 1, pp. 1–29.
- Simon Z. B. (The Impossibility of) Acting Upon a Story That We Can Believe. *Rethinking History*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 105–125.
- Simon Z. B. History Begins in the Future: On Historical Sensibility in the Age of Technology. *The Ethos of History: Time and Responsibility* (eds S. Helgesson, J. Svenungsson), New York, Berghahn, 2018, pp. 192–209.

- Simon Z. B. History Manifested: Making Sense of Unprecedented Change. *European Review of History*, 2015, vol. 22, no. 5, pp. 819–834.
- Simon Z. B. The Story of Humanity and the Challenge of Posthumanity. *History of the Human Sciences*, 2018, vol. 32, no. 2, pp. 101–120.
- Simon Z. B. The Transformation of Historical Time. Processual and Evental temporalities. *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism* (eds M. Tamm, L. Olivier), London, New York, Bloomsbury Academic, 2019, pp. 71–84.
- Vattimo G. The End of (Hi)story. *Chicago Review*, 1987, vol. 35, no. 4, pp. 20–30.
- Vinge V. Technological Singularity. *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future* (eds M. More, N. Vita-More), Malden, Wiley-Blackwell, 2013, pp. 365–375.
- White H. *Metaistoriia: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002.
- Wolfe C. *What Is Posthumanism?*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2010.